

◆ ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ЗРИТЕЛЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ АКТИВНЫМ

Имя Александра Сергеевича Правилова хорошо знакомо любителям оперного искусства. Они часто видят его в афишах спектаклей Горьковского театра оперы и балета им. А. С. Пушкина, в программах концертов, его с уважением признают уже не одно поколение студентов Горьковской консерватории.

Мы встретились в павом народным артистом РСФСР, лауреатом международного конкурса А. С. Правилковым в его гримуборной, и разговор начался с того, о чем всегда интересно расспросить человека творческого: каким был его первый шаг в искусстве, с чего начиналось обретение призвания.

— Детство мое прошло на Украине, а это, как известно, край песенный. Петь мне нравилось всегда. Помню, услышал впервые по радио голос Лемешева и с завистью подумал: вот бы и я так. Но всерьез заниматься музыкой начал лет с шестнадцати, когда стал посещать хор. После окончания школы мне посоветовали поступить в музыкальное училище. Учеба захватила меня. Моим педагогом был артист оперного театра. С его легкой руки я впервые появился на сцене, конечно, в качестве статиста, и на всю жизнь попал под обаяние театра. Здесь нравилось все: проходить через служебный вход, слушать из-за кулис настройку оркестра, видеть рядом живых артистов, которые представлялись мне людьми необыкновенными. В общем, мечта петь в театре завладела мною навечно.

Но осуществилась она не сразу: я выступал в ансамбле «Трембита», учился в Львовской консерватории и только спустя несколько лет вышел на сцену Горьковского оперного театра.

— Сегодня она стала для нас родной. Здесь пришел к вам настоящий успех. Если

поставить в ряд тех героев, которых вы вывели на сцену нашего театра, получится очень внушительная компания. Иван Сусанин, дон Базилио, Степан Разин, Мефистофель, Мельник, король Рене и многие, многие другие — ведь это не только интересные музыкальные партии, но и разнообразные характеры, каждый раз иная эпоха, иной национальный колорит, а значит, и сложные актерские задачи. Вероятно, очень не просто соединить в один гармоничный поток вокальное и драматическое искусство. Как проходит этот процесс синтеза сценического образа из музыкальных и пластических характеристик?

— Всегда сложно объяснить «как». Опера — искусство труднейшее для исполнителя. Артисту надо и петь, и играть, и следить за оркестром. Кроме того, он поставлен в жесткие рамки: опущено 10 тактов — вот и уложись в них как актер. Но музыка не только диктует, она и раскрепощает, дает в руки главное средство создания образа. Талантливый композитор в музыкальных характеристиках выпукло обнажает суть персонажа.

Нужно это почувствовать, понять и донести до зрителя.

Безусловно, при этом необходимо идти и от жизни, копить наблюдения над своими современниками, подмечать какие-то существенные черточки в их характере, поведении. Например, партию донна Базилио я исполняю давно, но сейчас почувствовал необходимость переделывать ее внешний рисунок. Хочется найти более современный вариант этого типажа (а он живуч), найти более созвучные сегодняшнему дню приметы: как он ходит, слушает, смотрит. Чтобы сидящие в зале узнали его.

— Контакт со зрителем — это то, ради чего работает всякий артист. Но всегда ли есть такая обратная связь и как она устанавливается?

— Артист — генератор эмоционального напряжения.

Бывает, выйдет исполнитель на сцену, и голос у него красивый, и делает все вроде бы правильно, а зритель через десять минут начинает конфликтными обертками шуршать. Ему неинтересно, потому что актер на сцене не живет, а просто присутствует.

Но если он выходит к рампе наполненный, эмоционально заряженный, зритель сразу отдает ему свое внимание: он чувствует, что артисту есть что сказать, и ждет от него этого слова. Тут какую длинную паузу ни держи, в зале будут затаив дыхание слушать.

Не всегда и не сразу такой контакт возникает. Надо чувствовать зрителя и завоевывать его. Когда редстоит концерт для рабочей аудитории, всегда волнуешься: как воспримут серьезную музы-

ку, поймут ли, примут ли классику? Чаще всего такие опасения бывают напрасными. Я выступал перед рабочими ГАЗа, Челябинского тракторного завода и всегда убеждался — любят классику, ценят ее. Нужно только взволновать аудиторию, убедить, увлечь. А для этого необходимо выложиться до конца. Тут экономить свой голос, свои нервы — значит предавать искусство. Выходить на сцену так, будто в последний раз, не рассчитывая на потом, иначе не стоит выходить совсем.

Зритель не прощает фальши. С подмостков обратиться к этой темной ждущей бездне, которая зовется зрительным залом, — такая колоссальная ответственность! Я первое время за двое суток до премьеры уже не спал. Конечно, с годами по-

явился опыт, умение собраться. Но и сегодня прихожу в театр за два часа до спектакля. Сажусь вот перед этим зеркалом и внимательно изучаю свое лицо — ищу в нем черточки того образа, в котором сегодня должен жить на сцене. Здесь надо углубить какую-то складку, тут подчеркнуть морщинку, попробовать особый прищур глаз. Работа с гримом, примеривание внешнего облика — начало вхождения в образ. Творчество продолжается потом на сцене. Говорят, что нельзя дважды войти в одну реку. Театр — тоже живой поток, каждый раз на представлении роль рождается заново.

— И все-таки взаимоотношения оперного театра со зрителем далеко не безоблачны. Спектакли идут при неполном зале, среди публики мало молодежи...

— Я думаю, оперное искусство никогда не станет массовым, потому что требует от зрителя значительной подготовленности. Это умение слушать музыку, способность понять, почувствовать, что именно она рождает действие, порыв. Тот, кто приходит в оперу, должен потрудиться: прежде чем он займет свое место в зале, ему необходимо пройти через «комплекс настройки на восприятие». И как мы со сцены отдаем себя зрителю, так и он должен отдать себя нам.

— Александр Сергеевич, не кажется ли вам, что увлечение эстрадой не всегда лучшего толка воспитало в определенной части публики потребительское отношение

к искусству? Приходит такой потребитель в оперный театр, устраивается поудобнее в мягком кресле и со скептической улыбкой смотрит на сцену: а ну, чем меня развлечете?

— Да, к сожалению, встречается и такое. А ведь опере активное сотворчество аудитории просто необходимо. Как воспитать активного зрителя? Вопрос очень не простой. Во многом его решение зависит от роста общего уровня музыкальной культуры. Здесь у нас много проблем, начиная со школы, где редкость — настоящие уроки пения. В стороне от музыкального воспитания остается и студенчество. Правда, мы стараемся что-то предпринять. Например, на базе Дома ученых для студентов политехнического института организован специальный университет. Я выступаю там с тематическими программами, пою, рассказываю и чувствую — есть отклик, молодежи это интересно. Но вот в ГГУ даже не знаю, как выглядит актовый зал: ни меня, ни моих коллег ни разу туда не приглашали.

Иссякает, к глубокому прискурибу, и традиция коллективного пения. Обидно, что в таком большом городе, как Горький, нет профессионального хора.

Надо пропагандировать вокальное, оперное искусство всеми средствами. Для театра это значит — выпускать хорошие, интересные спектакли.

— Ваши концерты, гастрольные поездки тоже — неустанная работа по пропаганде любимого вами вида

искусства. В этом отношении участие в первом Всесоюзном шляпном фестивале, вероятно, принесло особое удовлетворение?

— Конечно. Ведь он был посвящен человеку, сделавшему революцию в опере, прославившему на весь мир искусство русского вокала.

В Казань, где проходил фестиваль, съехались басы со всей страны. Очень приятно и почетно было находиться в их числе. Я исполнил там партии Мельника, донна Базилио, Галицкого, выступил с концертами. Хотелось отметить хорошую организацию фестиваля и то, что вокруг него шел большой разговор в прессе, а залы были неизменно полны.

— Вопрос о мечте. Есть ли у вас какая-то заветная еще не сыгранная роль?

— Видите ли, большие базовые партии я почти все перепел. Но сегодня, если бы представилась возможность, сделал бы их иначе — в иных психологических красках, может быть, скупее по внешнему рисунку.

А вообще всегда хочется вывести на сцену сильную, волевою личностью, натуру страстную, попадающую в драматические коллизии. Поэтому часто я думаю о бойцовском Мефистофеле, о Филиппе из «Дона Карлоса». И еще — о Борисе Годунове. Его я уже пел, но он всегда интересен. Это такая бездна, которая каждый раз выматывает тебя до конца, но к которой тянешься снова и снова.

Беседу вел
И. МУХИНА.